

РУССКІЙ ВѢСТНИКЪ

ИЗДАВАЕМЫЙ М. КАТКОВЫМЪ

ТОМЪ СТО ДВАДЦАТЬ ШЕСТОЙ

1876

НОЯБРЬ

СОДЕРЖАНІЕ:

- I. ПЕРВОЕ ТРЕХЛѢТІЕ ИНСТИТУТА МЕЖДУНАРОДНАГО ПРАВА (1873—1876). Графа Л. А. Камаровскаго.
- II. ПУТЕВЫЯ ЗАМѢТКИ. А. Л. Зиссермана.
- III. БѢЛОВѢЖСКАЯ ПУЩА. (Окончаніе.) В. В. Крестовскаго.
- IV. КАКЪ ОНИ УБѢХАЛИ. Разказъ. В. Г. Авсеенка.
- V. ВРЕМЯ ВЫСШАГО ОБРАЗОВАНІЯ. УНИВЕРСИТЕТЪ (1822—1826). Изъ записокъ человѣка. Сто-одного.
- VI. ПРИ ДВОРѢ. Романъ въ трехъ частяхъ. Часть вторая. Гл. I—IV. И. Л. Ласкозь.
- VII. ЖИЗНЬ РАСТЕНІЯ. Гл. VI—VII. К. А. Тимирязева.
- VIII. ВОЗВРАЩЕНІЕ МОЛОТА (Гамарсеймтъ). Пѣсня изъ Старой Эдды. Переводъ съ древне-норманскаго. Н. Д. Квашнина-Самарина.
- IX. НА ГОРАХЪ. Разказъ. Гл. XIX—XXV. Андрея Печерскаго.
- X. ПОЭТУ. Стихотвореніе. Д. В. Аверкіева.
- XI. ПЕДАГОГИЧЕСКІЯ ИДЕИ ЭДУАРДА ФОНЪ-ГАРТМАНА. А. Г.
- XII. ПОЛИТИЧЕСКОЕ ОБОЗРѢНІЕ. Щ.

ВЪ ПРИЛОЖЕНІИ:

КАКЪ МЫ ТЕПЕРЬ ЖИВЕМЪ. Романъ Антони Троллопа. Переводъ съ англійскаго. Часть третья. Гл. XXV. Часть четвертая. Гл. I—VI.

РУССКІЙ ВѢСТНИКЪ

ЖУРНАЛЪ

ЛИТЕРАТУРНЫЙ И ПОЛИТИЧЕСКІЙ

издаваемый

М. Катковымъ

ТОМЪ СТО ДВАДЦАТЬ ШЕСТОЙ

МОСКВА

Въ Университетской Типографіи (Катковъ)

На Страстномъ Бульварѣ

1876

ВРЕМЯ ВЫСШАГО ОБРАЗОВАНІЯ*

УНИВЕРСИТЕТЪ

(1822—1826)

ИЗЪ ЗАПИСОКЪ ЧЕЛОВѢКА

IV.

По выходѣ изъ гимназіи я не составилъ себѣ опредѣленнаго понятія о выборѣ карьеры и положился на рѣшеніе родителей. Отецъ, какъ помнится, думалъ повести меня по той же дорогѣ по которой самъ шелъ не малое время, то есть записать меня въ одно изъ присутственныхъ мѣстъ Рязани, чтобы я тамъ, служа и выслуживая чины, занялъ наконецъ какую-нибудь должность. Но мать рѣшительно воспротивилась такому предположенію. Она видѣла мою охоту къ наукамъ и чтенію и ей больно было подумать что сынъ ея, кончившій гимназическій курсъ первымъ ученикомъ, остановится на полдорогѣ своего образованія. Конечно, при этомъ она не имѣла въ виду сдѣлать изъ меня учителя или профессора: такое намѣреніе не согласовалось съ общимъ мнѣніемъ тогдашнихъ дворянъ, относившихся неуважительно къ ученому сословію; но, по крайней мѣрѣ, она

* См. Русск. Вѣстн. № 104.

понимала что университетъ даетъ извѣстныя права, съ которыми и въ службѣ, военной или гражданской, молодой человѣкъ идетъ болѣе успѣшными шагами. И потому, послѣ долгихъ разговоровъ и многихъ совѣщаній, рѣшено было отвезти меня въ Московскій Университетъ. Настоявъ на такомъ рѣшеніи, мать моя едва ли постигала цѣну услуги оказанной сыну; но сынъ и до сихъ поръ свято чтить ея память, какъ память своей кровной благодѣтельницы.

По уставу, я не имѣлъ права на поступленіе въ университетъ: мнѣ еще не было шестнадцати лѣтъ. Боясь помѣхи со стороны начальства, еслибъ оно захотѣло въ точности слѣдовать постановленіямъ, отецъ выпросилъ у директора рекомендательное письмо къ ректору университета, Антону Антоновичу Проколовичу-Антонскому. И вотъ съ этимъ письмомъ явился я къ нему въ сентябрѣ 1822 года. Прочитавъ его и просмотрѣвъ мой аттестатъ, онъ сказалъ мнѣ: „аттестатъ *твой* очень хорошъ, директоръ хвалитъ *тебя*, какъ прилежнаго юношу, и потому можешь подать прошеніе, хотя *тебѣ* и недостаетъ трехъ мѣсяцевъ до положеннаго возраста.“ * Слова эти свалили гору съ моихъ плечъ. Я послѣдшилъ въ правленіе университета и записался на юридическій факультетъ, такъ какъ предполагалъ что и по окончаніи университетскаго образованія мнѣ все же придется идти на гражданскую службу. Отъ вступительнаго экзамена я былъ освобожденъ, подобно всѣмъ гимназистамъ аттестатъ которыхъ свидѣтельствовалъ объ успѣшномъ прохожденіи ими полнаго гимназическаго курса.

Ученіе въ университетѣ продолжалось три года. Но изъ нихъ первый проходилъ въ слушаніи не предметовъ выбранной специальности, а предметовъ общихъ, набравшихъ изъ разныхъ факультетовъ. Я не могу сказать положительно, по какому поводу принята была такая мѣра, но, разсуждая теперь, нахожу ее не бесполезною въ виду тогдашняго положенія гимназій и университетовъ. Этотъ общій или оборотный курсъ служилъ какъ бы переходною ступенью отъ общеобразовательнаго ученія къ ученію университетскому. Гимназическій аттестатъ не всегда вѣрно указывалъ мѣру надлежащей подготовки къ слушанію профессорскихъ лекцій.

* Въ мое время не только учителя гимназій, но и многіе профессора, обращаясь къ учащимся, говорили имъ: *ты*.

Первый годъ въ университетѣ доставлялъ возможность нѣкоторымъ восполнить недостатокъ знаній въ томъ или другомъ предметѣ. Кроме того, весьма немногіе, заявившіе желаніе поступить на такой-то факультетъ, руководствовались при своемъ заявленіи разумнымъ выборомъ или внутреннею склонностью къ извѣстной отрасли наукъ: большею частію заявленія были необдуманныя, подсказанныя родителями или внушенныя совѣтами товарищей. На первомъ году, при знакомствѣ съ лекціями, въ юномъ слушателѣ, иногда для него неожиданно, возбуждалась любовь къ извѣстному предмету, и тогда уже при выборѣ того или другаго факультета онъ руководствовался правильнымъ расчетомъ, независимымъ убѣжденіемъ. Ему предоставлялось право замѣнить прежнее рѣшеніе новымъ, какъ болѣе рациональнымъ. Такой именно случай былъ и со мною.

По табели, выданной юристамъ на учебный 1822—23 годъ, въ общій курсъ вошли слѣдующіе предметы: теорія русскаго права, геометрія и тригонометрія, начала русскаго стила, географія, хронологія, геральдика и нумизматика, логика, языки латинскій и французскій. Въмѣсто послѣдняго языка дозволялось по произволу выбирать нѣмецкій или англійскій.

Лекціи уже начались когда я, запоздавшій нѣсколько пріѣздомъ, вступилъ въ первый разъ въ святилище наукъ или въ храмъ музъ, какъ тогда любили называть университетъ. Я былъ изумленъ тѣмъ что увидѣлъ. Студенты, по своему держанію до прихода профессора, а иногда и въ присутствіи нѣкоторыхъ профессоровъ, малымъ чѣмъ отличались отъ школьниковъ. Можно сказать что послѣдніе даже выигрывали нѣсколько въ этомъ отношеніи: у нихъ была какая-нибудь дисциплина, вовсе не существовавшая въ высшемъ учебномъ заведеніи. Правда, кулачныхъ боевъ не было; одна аудиторія не выходила на ратоборство съ другою: но въ аудиторіи происходили иногда такіа сцены, которыя не могли не смущать благовоспитаннаго человѣка. Я помню, какъ одинъ студентъ духовнаго званія, и другой дворянинъ, ребята взрослые и рослые, подрались не хуже дворянковъ: они порядочно отколотили другъ друга по зубамъ. Когда же семинаристъ, послѣ такого взаимнаго скулабитія, обозвалъ своего противника „холуемъ“, этотъ пришелъ въ такую ярость отъ оскорбленія своей дворянской чести что замахнулся бывшею у него въ рукахъ тростью съ металли-

чекимъ набалдашникомъ и вѣроятно раскрылъ бы противнику лобъ, еслибы не былъ удержанъ товарищами. Двое другихъ студентовъ, братья Б—, тащили и проказили не хуже gamins de Paris. Особенно младшій изъ нихъ, Андрей, не давалъ покоя товарищамъ своими выходками: онъ то бросалъ чѣмъ-нибудь въ лицо одному, то вскакивалъ на спину другого, то вырывалъ и рвалъ бумагу, принесенную третьимъ для записыванія лекцій. Для вѣкотораго оправданія подобныхъ пассажей необходимо прибавить, что перемѣна мѣста или названія не есть еще перемѣна лица занявшаго новое мѣсто и получившаго новое названіе. Сегодняшніе студенты вчера только сошли съ гимназическихъ или семинарскихъ скамеекъ: какимъ же чародѣйствомъ ведавый шумный классъ бурсы или гимназіи могъ преобразиться въ достоудожную аудиторію, а сами бурсаки или гимназисты въ степенныхъ студентовъ? Различіе возрастовъ и костюмовъ напоминало также средне-учебное заведеніе. Форменной одежды не было; каждый одѣвался какъ могъ и какъ хотѣлъ, почему рядомъ со студентами щеголявшими модными костюмами, сидѣли другіе въ бѣдныхъ сюртукахъ, а иные даже не снимали съ себя фризовыхъ шивелей, прикрывая ими ветхость своихъ платьевъ. Сказать правду, вѣкоторые преподаватели своимъ правомъ, либо странностью привычекъ и грубостью обращенія, либо наконецъ безынтересностью лекцій сами вызывали слушателей на невнимательность и безпорядокъ. Напримѣръ, Н. А. Бекетовъ, читавшій намъ историческія вспомогательныя науки (хронологію, генеалогію, геральдику и нумизматику), постоянно являлся въ такомъ костюмѣ, который заставлялъ насъ невольно смѣяться: онъ или сидѣлъ на немъ мѣшкомъ, или обтягивалъ его до неприличной узкости. И вотъ у насъ сложилось мнѣніе что профессоръ не заказываетъ себѣ платья у портнаго, а по скупости покупаетъ готовое и пошное на Толкучемъ рынкѣ. Другой профессоръ, преподававшій начала русскаго слога (П. В. П—въ), любилъ декламировать тирады изъ одъ Державина семинарско-гнѣвучею дикціей, съ долгимъ протяженіемъ на тѣхъ словахъ которыя вовсе того не требовали; напримѣръ:

На горы сталъ лютѣй Суворовъ—
И горы треснули подъ нимъ.

Среди декламациі замѣтивъ глазѣнны студента по сторонамъ или разговоръ съ товарищемъ, онъ останавливался и дѣлалъ ему выговоръ тоже нараспѣвъ: „Матавкинъ, братецъ, ничего ты не слушаешь; все шалишь да вертишься на ономъ мѣстѣ, словно ты на иголкахъ.“ — Я слушаю, П. В.—чъ. — „Когда слушаешь, повтори, о чемъ сейчасъ говорилъ?“ — Вы сказали что я словно на иголкахъ. — Отвѣтъ, разумѣется, покрывался общимъ дружнымъ смѣхомъ; а профессоръ, покачавъ головой, снова затягивалъ стихи изъ Державина. С. А. Смирновъ знакомилъ насъ съ законовѣдѣніемъ по составленному имъ руководству: *Легчайшій способъ къ познанію Россійскихъ законовъ*. Книга эта, какъ отзывался о ней *Словарь профессоровъ Московскаго Университета*, была, при тогдашнемъ состояніи русскаго законодательства, истиннымъ благодѣяніемъ для студентовъ первогодичныхъ и второгодичныхъ. Нисколько не оспаривая такого отзыва, я долженъ сказать что лекціи профессора, очень серіознаго по вѣщности, но весьма не остроумнаго, обдавали насъ скукой. Впервые, онъ читалъ руководство, что мы могли бы сдѣлать и безъ него, и только изрѣдка дѣлалъ весьма неважныя замѣтки и толкованія; восторныхъ, чтеніе это продолжалось два часа сряду, какъ и нѣкоторыя лекціи другихъ преподавателей. Какой просторъ времени для отклоненія скуки разговорами или проказами! Бѣднаго профессора прерывали въ его объяснительномъ чтеніи, закидывали вопросами, придумывали неожиданныя возраженія, вступали въ споръ. Однажды говорилъ онъ о томъ что въ каждомъ уездномъ городѣ главное лицо городничій, за исключеніемъ нѣкоторыхъ, напримѣръ Муромъ; тамъ полицеймейстеръ, а не городничій.

— Неправда, возразилъ ему какой-то студентъ, — тамъ тоже городничій.

— А въ полицеймейстеръ.

— Нѣтъ, городничій: я самъ изъ Муромъ.

— И я былъ въ Муромѣ лѣтомъ; извоишь, на которомъ я пріѣхалъ, поссорился со мной и насъ водили на разбирательство къ полицеймейстеру: стало-быть тамъ полицеймейстеръ.

По окончаніи лекціи, толпа студентовъ окружала Семена Алексѣевича, провожая его въ сѣни. Здѣсь-то, на дорогѣ, онъ выдерживалъ осаду отъ пустыхъ рѣчей и потѣшныхъ

выходокъ. У него былъ домъ на концѣ Покровскаго бульвара, приносившій ему не малый доходъ. Нижний этажъ занимали тѣ существа которыхъ Карамзинъ называлъ „нимфами радости“. Студенты провѣдали о томъ и вотъ одинъ изъ нихъ пристукаетъ къ нему съ просьбой отдать ему въ наемъ небольшую, но отдѣльную комнату.

— Я слышалъ, говоритъ онъ, — что въ нижнемъ этажѣ вашего дома живутъ,...

— Ну, тутъ толковать нечего — живетъ ли кто, или не живетъ, останавливалъ его полурассерженный, полусконфуженный профессоръ: — онъ тоже платятъ деньги, да еще аккумуляте чѣмъ знатныя барыни.

Въ другой разъ завязался разговоръ о мотовствѣ и бережливости. Смирновъ, какъ великій скопидомъ, началъ осуждать современныхъ молодыхъ людей.

— Въ мое время, поучалъ онъ, — жили не такъ. Когда у меня было много уроковъ, я вовсе обходился безъ обѣда.

— Чѣмъ же вы питались?

— А вотъ чѣмъ: давъ урокъ, я по дорогѣ покупалъ трехкопѣечный калачъ, который и съѣдалъ до прихода на другой урокъ.

— Отъ этого вы и богаты, Семенъ Алексѣевичъ: у васъ есть домъ.

— Ну, это все равно, есть ли у меня домъ или нѣтъ: это не ваше дѣло.

На лекціяхъ же И. М. Снегирева, профессора логики и латинскаго языка, безурядица доходила, извините за выраженіе, до шутовства. Мы ждали его прихода какъ ожидаютъ появленія на сценѣ актера умѣющаго смѣшить публику. Въ числѣ первокурсниковъ былъ нѣкто Поляковъ, очень толстый, всегда покрытый лѣтомъ и всегда жаловавшійся что ему жарко. Его-то Снегиревъ выбралъ мишенью своихъ комическихъ замѣтокъ. Войдя въ аудиторію, профессоръ прежде всего, съ самой серіозною миной, обращался къ нему съ вопросомъ: „Какъ ваше здоровье, господаинъ Поляковъ? Не жарко ли вамъ? Можно открыть форточку,“ или напротивъ: „по лицу вашему, г. Поляковъ, я вижу что вамъ холодно: вамъ бы сѣсть поближе къ печкѣ.“

Пожуривъ одного студента за лѣтность, онъ подкрѣплялъ свой выговоръ текстомъ: „въ потѣ лица твоего сѣси хлѣбъ твой“, и тутъ же задѣлъ Полякова: „вотъ берите примѣръ

съ вашего товарища; онъ всегда кушаетъ свой хлѣбъ въ потѣ лица.“ Но верхъ совершенства былъ по случаю долговременной болѣзни профессора Бекетова (Николая Андреевича). Шаловливая молодежь вырѣзала ножомъ на кафедрѣ крупными буквами: „у Бекетова дурная болѣзнь“. Какъ только увидалъ это Снегиревъ, такъ тотчасъ обратился къ намъ съ серьезно-соболезновательнымъ выраженіемъ лица:

— Жалко Николая Андреевича, очень жалко! человекъ ужъ не молодой; Богъ знаетъ перенесетъ ли такую болѣзнь.

Каждую лекцію, въ теченіе трехъ или болѣе недѣль, онъ начиналъ съ того что посмотреть на кафедру:

— Все еще боленъ? жалко Николая Андреевича!

Наконецъ экзекуторъ, замѣтивъ неприличную надпись, велѣлъ вынести кафедру и поставить новую. Является Снегиревъ и по сбычаю слѣдуетъ справиться о состояніи больного:

— Николай Андреевичъ выздоровѣлъ? Радъ, душевно радъ; поздравляю васъ, господа!

Въ самой природѣ Снегирева лежала наклонность къ глумленію и передразниванію. Еще студентомъ онъ, при входѣ въ аудиторію вмѣстѣ съ отцомъ своимъ, профессоромъ правъ естественнаго, политическаго и народнаго, копировалъ его привычку поправлять широкія голенища сапогъ, надѣтыхъ сверхъ брюкъ и спускавшихся къ низу. Разказывали также слѣдующій его пассажъ. При какомъ-то разладѣ съ Маловымъ, профессоромъ юридическаго факультета, Снегиревъ издумалъ посмѣяться надъ нимъ оригинальнымъ образомъ. Въ изданіи басенъ Хемницера, имѣлъ ли самъ предпринятомъ или только подъ его надзоромъ напечатанномъ, два стиха:

И *малого* не научили,
А на *нѣкъ* дуракомъ пустили,

явились въ такомъ видѣ:

И *Малова* не научили,
А на *нѣкъ* дуракомъ пустили.

Не ручаюсь за вѣрность разказа, но если онъ и выдуманъ, то очень удачно: онъ отлично характеризуетъ лицо бывшее опоспособнымъ и не на такіа продѣлки.

Только у двоихъ профессоровъ аудиторія была именно тѣмъ чѣмъ она должна быть согласно съ своимъ терминомъ,

то-есть собраніемъ слушающихъ — у Т. А. Каменецкаго и Д. М. Перевощикова. Но первый достигалъ этого не преподаваніемъ географіи, которое стояло на уровнѣ гимназическаго, а серіозностью нрава, не позволявшею никакихъ безпорядковъ; второй же и достоинствомъ обращенія со студентами, и достоинствомъ лекцій. Ему вмѣстѣ съ другимъ профессоромъ, П. С. Щелкинымъ, принадлежитъ почтенная, памятная въ исторіи учебнаго дѣла заслуга: они поставили преподаваніе математики въ Московскомъ Университетѣ, а чрезъ его посредство и въ гимназіяхъ Московскаго учебнаго округа, на рациональный путь, по какому и обязана слѣдовать каждая наука. До нихъ какъ изложеніе теоріи, такъ и примѣненіе ея къ практикѣ, велось почти-что механически. Говорили какъ нужно было постулатъ при доказательствѣ той или другой теоремы, но не объясняли почему именно нужно постулатъ такъ, а не иначе. Простой памяти предоставлялось усвоеніе математическихъ знаній. У кого она была крѣпка, тотъ, конечно, могъ долго помнитъ демонстративные приемы, но основанія на которыхъ строится демонстрація, единство же дѣйствія во всѣхъ приемахъ, состоящее въ томъ что неизвѣстное послѣдовательно и необходимо раскрывается изъ извѣстнаго, что доказательство новыхъ положеній извлекается изъ положеній прежнихъ, уже доказанныхъ, все это, необъясненное, скрывалось въ туманѣ. Перевощиковъ разсѣялъ этотъ туманъ строго научнымъ изложеніемъ элементарно-математическаго курса. Онъ прошелъ съ нами ариметику, алгебру и геометрію какъ бы новыя для насъ науки. Сначала намъ трудно было слѣдить за его лекціями, читанными по курсу чистой математики Фрэнкера, имъ же переведенному сообщая съ П. С. Щелкинымъ, но потомъ мы вошли въ смыслъ и вкусъ рациональнаго метода. Заинтересованный точностью этого метода, я рѣшился перейти съ юридическаго факультета на физико-математическій, который вмѣщалъ въ себѣ обѣ отрасли наукъ—и математическихъ и естественныхъ, образующія нынѣ два особыхъ отдѣла.

Кромѣ меня, на этотъ факультетъ поступило девять человѣкъ. Причина такого малаго числа студентовъ объясняется трудностію предстоявшихъ занятій; на математику шли только тѣ которые дѣйствительно хотѣли учиться по любви къ наукѣ. Въ теченіе двухлѣтняго спеціальнаго курса мы

обязаны были слушать лекціи слѣдующихъ предметовъ: ботаники, зоологіи, химіи, физики, технологіи, минералогіи и сельскаго хозяйства, математики прикладной (механики) и чистой (тригонометріи прямолинейной и сферической, аналитической геометріи, дифференціального и интегрального исчисленій). При такой многопредметности курса не возможно было и думать объ одолѣніи его съ надлежащимъ успѣхомъ. Волею-неволею каждый изъ насъ вынужденъ былъ выбрать своею спеціальностью одинъ или два предмета, а остальными заниматься какъ второстепеннымъ дѣломъ. Но къ этой причинѣ, обусловленной необходимостью и потому законной, присоединилось дурное побужденіе, вызванное особеннымъ обстоятельствомъ, которое зависѣло уже не отъ студентовъ, а отъ обычаевъ и распоряженій университетскаго начальства. При выпускѣ студентовъ, оцѣнка ихъ производилась не по среднему выводу изъ годовичныхъ отмытокъ, а по голосамъ профессоровъ въ факультетскомъ собраніи, на которомъ часто присутствовалъ и ректоръ. Еслибы при этомъ основывались на большинствѣ голосовъ, никто не имѣлъ бы права возразить что-нибудь противъ такого порядка; но дѣло въ томъ что не всѣ профессора были одинаково голосисты. Судьбу нашу рѣшали тѣ немногія лица, которыя ученымъ значеніемъ, давностію службы или энергичностію характера забрали въ свои руки силу. Другіе члены факультета соглашались съ ними или уступали имъ частію по равнодушію и уклончивости, а частію страха ради потерлѣть отъ вліянія сильныхъ. Такимъ образомъ не цифры управляли міромъ студентовъ, а воля факультетскихъ верховниковъ. Поступающіе въ университетъ хорошо знали кто эти верховники: Сандуновъ и Цвѣтаевъ въ юридическомъ факультетѣ, Мерзляковъ, Каченовскій и Давыдовъ въ словесномъ, Двигубскій, Фишеръ и Павловъ въ физико-математическомъ, Мудровъ и Мухинъ въ медицинскомъ. Поэтому, при выборѣ спеціальнаго занятія, студентъ часто руководствовался не внутреннею къ нему склонностію, а именемъ профессора и, пріютившись подъ могучимъ крыломъ его, надѣялся вѣрнѣе вознестись на стелса кандидата. Хуже всего было то что укоренившійся обычай влекъ за собою безправственныя явленія: юноша, въ груди котораго сильно хранилось естественное чувство правоты и чести, сбивался съ добраго пути: занимаясь наукой, онъ въ то же

время старался заискивать расположение профессора, и эта искаательность нерѣдко переходила въ угодничество, недостойное и низкое. На бѣду нѣкоторые профессора очень любили обонять воскрсяемый имъ еміямъ. Особенно страдалъ этою слабостью профессоръ хирургіи, Е. О. Мухинъ. Не было такой грубой или глупой лести, которую бы онъ не принялъ съ удовольствіемъ. Лѣкаря въ своихъ диссертацияхъ на докторское званіе кстати и не кстати цитировали его. Одинъ изъ таковыхъ докторантовъ, начавъ свой трудъ словами: „Человѣкъ состоитъ изъ души и тѣла“, поспѣшилъ, при этомъ мудромъ изреченіи, замѣтить въ вывскѣ: „Смотри такое-то сочиненіе дѣйствительнаго статскаго совѣтника и кавалера Е. О. Мухина“. Чрезмѣрное тщеславіе Мухина доходило до смѣшнаго. Онъ считалъ себя важнымъ лицомъ и требовалъ почета. Какъ первый тогда хирургъ въ Москвѣ, онъ скопилъ значительное состояніе; какъ превосходительная особа и со звѣздой, онъ смотрѣлъ свысока на своихъ сочленовъ, изъ которыхъ очень немногіе имѣли генеральскій титулъ, да и тотъ болѣе получался не отъ университета, а отъ другаго мѣста служенія. Изъ знаковъ отличія, звѣзда украшала только грудь ректора. Д. М. Перевощиковъ, читая однажды лекцію о падающихъ звѣздахъ, шутя замѣтилъ что онѣ постоянно обходятъ университетскій меридіанъ. Но какъ не предосудителемъ былъ обычай запасаться протекторатомъ, а мы, однакожъ, заплатили ему дань. Каждый изъ насъ десятерыхъ выбралъ себѣ по профессору. Мой выборъ палъ на знаменитость—на Фишера фонъ-Вальдгейма (Григорія Ивановича), стоявшаго въ ряду извѣстнѣйшихъ европейскихъ зоологовъ. Въ увлеченіи, мы не предвидѣли что разчетъ нашъ приведетъ насъ, какъ скажу ниже, къ такому послѣдствію какого мы всего меньше ожидали.

Года за три-четыре до моего поступленія въ университетъ, онъ обновился свѣжими силами. Кромѣ Перевощикова и Щелкина, о которыхъ я уже говорилъ, другими представителями этого обновленія были И. И. Давыдовъ, профессоръ латинской словесности, и М. Г. Павловъ, профессоръ сельскаго хозяйства и минералогіи. Двое послѣднихъ въ мое время пользовались такимъ же сочувствіемъ студентовъ какимъ, въ сороковыхъ и пятидесятыхъ годахъ, пользовались Граковскій и Кудрявцевъ. Особенно Павловъ, какъ

богѣе даровитый и самостоятельный, привлекалъ на свои лекціи слушателей со всѣхъ факультетовъ. Переполненная аудиторія съ напряженнымъ вниманіемъ и въ тишинѣ слѣдила за изложеніемъ его взглядовъ на природу и способы ея изслѣдованія, которые предпослалъ онъ какъ вступленіе въ курсъ агрономіи. Но любовь къ нему молодежи равнялась недружелюбію многихъ профессоровъ, смотрѣвшихъ на него косо, тѣмъ болѣе что Павловъ, столько же самостоятельный по мѣтвямъ сколько и по характеру, не ограничивался преподавательскимъ вліяніемъ, но входилъ болѣе и болѣе въ силу при управленіи общими университетскими дѣлами. Онъ хотѣлъ имѣть равноправный голосъ и въ совѣтѣ, и въ факультетѣ, чего и добился благодаря своей настойчивости. Зная себѣ цѣну и обладая значительнымъ самолюбіемъ, онъ, разумѣется, не скрывалъ своего пренебреженія ни къ обветшалымъ ученымъ, ни еще болѣе къ тѣмъ которые и никогда не были учеными.

Дѣйствительно, нѣкоторые профессеры, во время оно видные по знаніямъ и приносившіе несомнѣнную пользу и наукѣ, и студентамъ, въ двадцатыхъ годахъ сдѣлались чуждыми: они устарѣли и облѣгались. Лѣта и образъ жизни наложили на нихъ свои печати. Преподаваніе Мерзлагова уже слабо напоминало прежній блескъ его лекцій. Не одно то что онъ упрямо стоялъ на лже-классической теоріи искусства отбивало отъ него слушателей, но и то что онъ равнодушнѣе относился къ своему дѣлу, очень часто манкировалъ, а иногда приходилъ въ аудиторію навеселѣ. Можетъ-быть эта искусственная веселость лучше развязывала ему языкъ, но его краснорѣчіе—онъ самъ не замѣчалъ этого—приходилось въ ущербъ содержанію. Слушатели замѣчали это, хотя все еще любили нѣкогда знаменитаго профессора за его доброе къ нимъ отношеніе, за его всегдашнюю готовность оказать свое заступничество въ случаѣ какого-нибудь казуса. И. А. Двигубскій (деканъ нашего факультета и секретарь совѣта) приобрѣлъ имя почтеннаго дѣятеля по своей специальности—ботаникѣ. Его *Московская Флора* цѣнилась въ русской ботанической литературѣ. Много лѣтъ издавалъ онъ хорошій журналъ: *Новый магазинъ естественной исторіи, физики, химіи и свѣдѣній экономическихъ*. Вообще онъ былъ человѣкъ добросовѣстно-трудолюбивый. Но его преподаваніе физики, предмета мало ему знакомаго и, какъ гово-

рили, возложеннаго на него противъ желанія, было крайне слабо и крайне утомительно, принимая во вниманіе двухъ-часовыя лекціи. Онъ читалъ по составленному имъ руководству; чтеніе сопровождалось опытами, которые производились при помощи завѣдывавшаго физическимъ кабинетомъ, Н. С. Семёнова. Не знаю почему называли его механикомъ; знаю только что опыты рѣдко удавались, за что доставалось механику. А иногда профессоръ, въ объясненіе неудачи, говорилъ: „надобно замѣтить, господа, что этотъ опытъ очень subtilenъ“, хотя собственно никакой subtilности не существовало. На лекціяхъ физики выказывался характеръ тогдашнихъ отношеній большинства профессоровъ къ студентамъ. Между послѣдними на нашемъ курсѣ находился Итинскій, котораго мы звали дядей, потому что онъ былъ много старше насъ и аппетитно нюхалъ табакъ изъ таванки. Ему-то поручилъ Двигубскій отиѣчать въ спискѣ студентовъ, кто не пришелъ на лекцію. Руководство къ физикѣ, по которому мы готовились, начиналась опредѣленіемъ этой науки въ двоякомъ смыслѣ: обширномъ и тѣсномъ. На одной изъ репетицій профессоръ обращается къ Итинскому съ вопросомъ:

— Господинъ Итинскій, что есть физика?

— Въ какомъ смыслѣ прикажете: въ обширномъ или тѣсномъ?

— Въ какомъ хочешь, мнѣ все равно.

— А мнѣ и подавно.

Другой обращикъ случился на лекціи о свѣтѣ. Надобно было показать разложеніе солнечнаго луча на семь цвѣтовъ. Механикъ затворилъ внутреннія ставни, изъ которыхъ только одна имѣла отверстіе, отъ чего въ аудиторіи сдѣлалось темно. Тѣ изъ студентовъ которые сидѣли по близости къ выходной двери только и ждали этой благодатной темноты: они гурьбой хлынули вонъ. „Что это значитъ? закричалъ разсерженный профессоръ: отворите ставни.“ Ставни отворили — аудиторія полуопустѣла.

— Господинъ Итинскій, подай списокъ. Ты перекликалъ студентовъ?

— Нѣтъ еще, отвѣчалъ дрожащимъ голосомъ Итинскій, вынимая списокъ изъ боковаго кармана.

— Болванъ! когда жъ ты это сдѣлаешь? когда рсѣ разойдутся по домамъ?

На другихъ факультетахъ происходили подобныя же, а иногда и вячіе казусы. Укажу для примѣра на лекціи Матвѣя Ивановича Гаврилова, пріобрѣтшаго себѣ извѣстность изданіемъ *Историческаго, Статистическаго и Географическаго Журнала или современной исторіи сѣтя*. Въ мое время онъ былъ ужь очень дряхлѣ, глуховатъ и вообще бѣдѣзникъ. Онъ не шелъ, а волочилъ ноги къ кафедрѣ, на одной сторонѣ которой клалъ табатерку, а на другой платокъ, запачканный табакомъ. Утомительное чтеніе его медленнымъ и дрожащимъ голосомъ заставляло студентовъ, для сокращенія времени, развлекать профессора чѣмъ-нибудь постороннимъ. Одно изъ такихъ развлеченій напало въ странной его причудѣ: онъ терпѣть не могъ если его аудиторію посѣщали студенты не словеснаго факультета, чужаки, какъ онъ называлъ ихъ. Едва только уследется онъ за кафедрой и произнесетъ нѣсколько словъ, какъ на лѣвкахъ съ правой стороны раздается восклицаніе: чу! чу!... Профессоръ останавливается:

- Что такое, господа?
- Чужакъ, Матвѣй Ивановичъ.
- Гдѣ чужакъ?

Студенты указываютъ на самую дальнюю у стѣн скамейку. Гавриловъ встаетъ и медленными шагами, по указанному направленію, подходитъ къ чужаку.

- Какого вы, милостивый государь, факультета?
- Юридическаго.
- Зачѣмъ же вы сюда пожаловали?
- Желалъ имѣть честь послушать васъ.
- Честь? Не угодно ли вамъ идти вонъ.

Беретъ его за руку и выводитъ за дверь. Занявъ свое мѣсто и начавъ прерванную лекцію, онъ слышитъ новое чу! чу!.. Но чужакъ является на самой задней скамейкѣ уже съ лѣвой стороны. Повторяется та же сцена допрашиванія чужака и изгнаніе его. Въ такихъ путешествіяхъ отъ кафедры къ скамейкѣ, отъ скамейки къ дверямъ и отъ дверей къ кафедрѣ, глядишь, пройдетъ четверть часа, полчаса. Иногда студенты, сговорясь, угощали профессора лѣніемъ и очень согласнымъ. Среди монотонной его дикціи, по данному сигналу, правая сторона начинала пѣсню: „Во лузьяхъ, во лузьяхъ“, или „Ой вы, сѣни мои сѣни“. Тихіе звуки постепенно возвышаясь становились наконецъ слышны-

ли. Профессоры останавливались. „Что это, господа? никакъ въперъ?“—Да, Матвей Ивановичъ, въперъ. Затѣмъ наступала очередь хора съ лѣвой стороны: жевтерался прежній вопросъ и давался прежній отвѣтъ. Замѣчательно что подобныя штуки происходили въ аудиторіи профессора Исторіи въ это время читалъ—что бы вы думали? Теорію изящнаго искусства.

Какое различіе въ умѣхъ держалъ себя у другихъ профессоровъ: на словесномъ факультетѣ—у Канеловскаго и Давыдова, на медицинскомъ—у Лодера, Рихтера и Альфонскаго, на нашемъ (физико-математическомъ)—у Перевощицкова, Щенкина, Павлова и Финшера! Послѣдній былъ образецъ важности. Поставилъ себя въ правильныя отношенія къ слушателямъ, эти профессора пользовались общими уваженіемъ, а нѣмъ лекціи своимъ достоинствомъ возбуждали свободное вниманіе. Пальма первенства, по интересу преподаванія, безусловно принадлежала Никому Никодимъ занималъ свое мѣсто, полная тишина водворилась въ аудиторіи, несмотря на многочисленность студентовъ отекавшихся изъ разныхъ факультетовъ и уже ничѣмъ не нарушалась въ теченіе цѣлаго часа. Каждый съ напряженнымъ любопытствомъ слѣдилъ за мыслями профессора въ прекрасно-научномъ ихъ изложеніи. Но одними изложеніемъ, какъ бы оно ни было хорошо, нельзя объяснить ни успѣха лекцій, ни сочувствіаго воспріятія ихъ студентами. Причина того и другаго лежала какъ въ самомъ предметѣ преподаванія, такъ и въ отношеніи къ нему преподавателя. Павловъ, замѣтивъ я выше, предъ курсомъ сельскаго хозяйства прочелъ нѣсколько лекцій о природѣ, о способѣ ея изслѣдованія и о естественномъ вообще какъ наукѣ о природѣ, сдѣлавъ возвращеніемъ извѣстнаго натуръ-философа Окена, приложившаго философію Шеллинга къ естественной исторіи. Онъ былъ самый талантливыи истолкователь этого ученія, которое своею новизной и другими качествами не могло не поразить молодые умы и ретивую ихъ любознательность. Оно пришло къ намъ по вкусу тѣмъ болѣе что большинство профессоровъ и нашего, и другихъ факультетовъ держались совершенно противоположнаго направленія, стояли, какъ тогда говорилось, на эмпириі, сообщая знанія добытыя наблюденіемъ и опытомъ, но ничѣмъ ихъ не освѣщая: ни общими выводами изъ многоразличныхъ фактовъ,

ни идей, дающею имъ значеніе, ни основнымъ началомъ, отъ котораго постулаетъ въ своихъ трудахъ естествоиспытатель. Лекціи такихъ эмпириковъ тяготили насъ, потому что ничѣмъ не возбуждали умственной способности, не указывали ей ни точки исхода, ни конечныхъ результатовъ. И вдругъ среди такого затишья, такой вялости и застоя раздается голосъ молодаго профессора зовущій насъ къ другому направленію въ наукѣ—умозрительному, доказывающій его преимущества предъ направленіемъ эмпирическимъ. Кто хочетъ познакомиться съ сущностью его взглядовъ, равно какъ съ ясностью, точностью и образцовою логичностью его изложенія, тому советую прочесть двѣ статьи его: „О способахъ изслѣдованія природы“ * и „Введеніе въ физику“, опредѣляющее ея мѣсто среди естественныхъ наукъ. Сущность первой статьи была намъ уже объяснена на лекціи: „Такъ какъ природа имѣетъ двѣ стороны: вѣшнюю (phœnoménon) и внутреннюю (noumènon), то она поддается двоякому способу изслѣдованія. Вѣшная сторона есть область опыта, эмпириі; внутренняя—область умозрѣнія. Начало эмпириі—явленія; начало умозрѣнія—самопознаніе. Путь эмпириі—наведеніе (индукція); ходъ умозрѣнія—выводъ (дедукція). Употребляя сравненіе, можно сказать: эмпирикъ отъ окружности устремляется къ центру на удачу; умозритель отъ центра постулаетъ къ окружности навѣрное. Опытъ можетъ доводить до открытій, но до знанія никогда.“ Насколько Павловъ своими лекціями выигрывалъ въ расположеніи къ себѣ слушателей, настолько же товарищи его относились къ нему съ большимъ и большимъ нерасположеніемъ, которое объясняется не одною *jalousie du métier*, но и другими причинами, напримѣръ рѣзкостью сужденій Павлова и горделивостью, происшедшею отъ сознанія своего умственного превосходства. Нужно ли говорить что мы безусловно становились на сторону любимаго профессора, и всѣхъ недоброжелателей его взглядовъ называли „стариками-младенцами“ острова Пампаи, ** служителями эмпиризма, который песчички (то-есть факты) прикладываетъ къ песчичкамъ безъ основанія, даже безъ связи, могущей скрѣ-

* *Мнемозина*, изд. князя В. Одоевскаго и В. Кюхельбекера, ч. 4, (1824).

** *Аллегорія*, князя В. Одоевскаго (*Мнемозина* ч. I).

лить ихъ. Увлеченные Океномъ и Шеллингомъ, насколько крупицы ихъ ученія падали со стола профессорскаго, получили отъ товарищей названіе шеллингианцевъ; несогласные съ ними сторонники Двигубскаго—названіе эмпириковъ. Между ними часто завязывались споры до начала лекцій и въ промежуткахъ между ними. У первыхъ, независимо отъ того что имъ сообщалось въ стѣнахъ университета, были въ ходу двѣ книги: *Біологическое изслѣдованіе природы въ творящемъ и творимомъ ея качествѣ* Велландскаго и *Исторія философскихъ системъ* Галича. Для непосредственнаго же знакомства съ нѣмецкою философіею тогдашняго періода не имѣлось у насъ средствъ: никто изъ насъ, математиковъ, въ то время не зналъ нѣмецкаго языка.

Теперь, при отсутствіи всякихъ юношескихъ увлеченій, я могу объективно относиться къ лекціямъ Павлова, указать выгоды и невыгоды ихъ вліянія на молодые умы, выставить результаты къ которымъ они привели насъ. Начну съ того что пристрастіе студентовъ къ профессору вытекало изъ ихъ искренней любознательности. А при такомъ добромъ источникѣ каково безкорыстное стремленіе къ наукѣ, весьма естественно было ожидать и добрыхъ послѣдствій. Главная невыгода состояла въ усвоенномъ нами пренебреженіи фактическимъ изученіемъ предмета съ одной стороны и гордомъ довольствѣмъ началами и выводами съ другой, довольствѣ не только граничащемъ съ лѣнностью, но часто и переходившемъ въ лѣность, въ охоту убѣгать отъ колючавой работы, отъ чернаго труда. Обобщеніе возможно не иначе какъ при знаніи частныхъ. Начала и выводы имѣютъ высокую цѣну, когда они проведены черезъ факты и оправданы фактами; въ противномъ случаѣ они образуютъ нѣчто безсодержательное, способное удовлетворять поверхностный дилеттантизмъ или тѣшить празднолюбіе любопытнаго сибарита. Едва ли кто повѣритъ мнѣ, что на лекціяхъ минералогіи мы восхищались классификаціей царства ископаемаго, которая образовала изящно-стройную систему, укладывавшую всѣ виды и роды въ опредѣленные мѣста. Мы очень хорошо знали что минералы дѣлятся на четыре класса—ни больше ни меньше, такъ какъ каждый классъ образовался подъ преимущественнымъ вліяніемъ одной изъ силъ дѣйствующихъ въ мірѣ физическомъ, а этихъ силъ четыре: свѣтъ съ теплотой, электричество,

магнетизмъ и гальванизмъ. На экзаменѣ изъ этого предмета, ректоръ, съ своей точки зрѣнія, пришелъ въ ужасъ: „зачѣмъ это знать имъ (студентамъ)? и кому это извѣстно, кромѣ самого Творца?“ Павловъ былъ не такой человекъ который выслушалъ бы замѣчаніе безъ отвѣта, а за отвѣтомъ онъ не ходилъ въ карманъ. Последнее слово, конечно, осталось за нимъ. А между тѣмъ, дѣйствительно, въ теченіе всего курса мы не посѣщали минералогическаго кабинета и не видали ни одного камня.

Несомнѣнная выгода лекцій Павлова заключалась въ дисциплинѣ ума, въ направленіи его къ началамъ науки и основнымъ ея законамъ, истекающимъ изъ этихъ началъ, къ отысканію существеннаго, къ подчиненію частностей общему, къ системѣ совпадающей на основныхъ признакахъ предмета, къ ясности, точности и логической послѣдовательности въ изложеніи, короче ко всему тому безъ чего нѣтъ и быть не можетъ рациональнаго знанія, науки въ истинномъ смыслѣ этого слова. Вотъ что привлекало насъ на лекціи Павлова, что было нами выслушиваемо съ жаркимъ любопытствомъ и многими воспринято на благовую потребу въ дальнѣйшемъ самообразованіи. По моему крайнему убѣжденію, при вычетѣ невыгодъ, сколько бы ихъ ни оказалось, изъ этой выгоды—пусть она будетъ единственная—въ результатѣ выходитъ такой цѣнный остатокъ, за который имя Павлова возбуждало и до сихъ поръ возбуждаетъ во мнѣ живое чувство уваженія и благодарности. Нечего и говорить что знаніе какой бы ни было науки вещь очень хорошая. Но оно, какъ и всякое знаніе, легко забывается или часто не находитъ никакого употребленія. Если я и теперь могу быть порядочнымъ преподавателемъ элементарной математики, то этою возможностью я обязанъ педагогической практикѣ, на которую напоянула меня необходимость искать средства для жизни. Но если товарищи мои, находившіеся въ томъ же положеніи, никогда не чтили потребности рѣшить уравненія даже первой степени или измѣрить углы и треугольники, то слѣдуетъ ли отсюда что лекціи алгебры и геометріи пропали для нихъ даромъ, что они напрасно учились этимъ наукамъ? Нѣтъ, при нихъ навсегда осталось то, чѣмъ я забытое легко возобновляю въ памяти и неимѣющее удобно уважется. Рациональный методъ въ изложеніи математическихъ истинъ, постепенность въ переходѣ

отъ извѣстнаго къ неизвѣстному, строгая точность доказательства.... вотъ тѣ полновѣсныя пріобрѣтенія которыми нашъ курсъ былъ одолженъ Перевощикову и Щелкину. Въ концѣ-концовъ, нельзя не согласиться съ мыслию Павлова, выраженною въ предисловіи къ его „Основаніямъ физики“, что главная польза наукъ—развитіе, образованіе умственной способности, при помощи котораго не трудно добыть и многознаніе, тогда какъ однимъ многознаніемъ никогда не добудешь умственной развитости.

Кромѣ интереса къ отрывочнымъ воззрѣніямъ Шеллинга и Окема, насколько они пробивались въ лекціяхъ Павлова, среди университетской молодежи господствовалъ другой интересъ, литературный, усиленный новымъ движеніемъ нашей поэзіи. Здѣсь уже не было разногласій, ни шеллингианцевъ, ни анти-шеллингианцевъ: всѣ сходились въ одинаковомъ чувствѣ, всѣ равно восхищались и переводомъ Жуковскаго изъ Мура: *Ангелъ и Пери* (1821), и *Кавказскимъ Пятникомъ* (1822), и комедіей *Горе отъ ума* (1823) ходившею въ рукописи, и наконецъ *Бахчисарайскимъ Фонтаномъ* (1824). Математики и медики, не хуже словесниковъ, знали наизусть почти всю ліесу Грибоѣдова и безусловно поклонялись Пушкину. Полемика между классиками и романтиками не оставалась намъ неизвѣстною; мы судили и редили о предисловіи къ *Бахчисарайскому Фонтану*, написанномъ княземъ Вяземскимъ въ видѣ разговора между классикомъ и романтикомъ, и о спорѣ возникшемъ по поводу этого разговора между его авторомъ и М. А. Дмитриевымъ. Само собою разумѣется что мы становились не на сторону послѣдняго. Упорныя наладки его на новую комедію раздражали насъ, какъ будто онѣ касались нашего личнаго дѣла, и мы съ радостію записывали и выучивали рукописныя элиграммы на критика новой комедіи, не признававшаго въ ней достоинствъ, которыя мы частію сознательно понимали, частію непосредственно чувствовали. Двѣ изъ такихъ элиграммъ сохранились у меня въ памяти:

1.

Михайло Дмитріевъ умре...
 Считался онъ въ девятомъ классѣ;
 Былъ камеръ-юнкеръ при дворѣ
 И камеръ-динеръ на Парнаѣ.

2.

Собрались школьники * и вскорѣ
 Михайло Дмитріевъ рецензію скропалъ,
 Въ которой ясно доказалъ,
 Что *Горе отъ ума* не Дмитріева горе.

Я уже замѣтилъ выше что трехлѣтній курсъ нашего ученія кончился совершенно неожиданнымъ для насъ образомъ, вопреки всѣмъ нашимъ расчетамъ и предположеніямъ. Случилось это слѣдующимъ образомъ. На факультетскомъ собраніи, обсуждавшемъ, послѣ экзаменовъ, успѣхи студентовъ, каждый профессоръ предложилъ своего *protégé* въ кандидаты: Фатеръ—меня, Двигубскій—Итинскаго, Павловъ—Малицкаго и такъ далѣе, такъ что всего вышло десять кандидатовъ, именно столько сколько было всѣхъ насъ на курсѣ. Ректоръ, присутствовавшій на совѣщаніи, пришелъ въ изумленіе и страхъ отъ такого небывалаго факта. „Какъ это можно? воскликнулъ онъ: что скажутъ въ министерствѣ? ну, три, много четыре кандидата, пожалуй; а то всѣхъ!.. это невозможно.“ Но выборъ нѣкоторыхъ изъ всего комплекта оказался дѣломъ не легкимъ: никто изъ профессоровъ не хотѣлъ отказаться отъ своего предложенія. Толковали и спорили долго, не рѣшая ни чѣмъ. Наконецъ Двигубскій разсѣлъ Гордіевъ узелъ самымъ простымъ образомъ: „Если нельзя всѣхъ выпустить кандидатами, выпустимъ всѣхъ дѣйствительными студентами, чтобы никто не считалъ себя обиженнымъ“. Факультетъ принялъ это рѣшеніе, и мы должны были остаться еще на годъ для полученія степени кандидата. Впрочемъ, такой неожиданный исходъ нисколько насъ не огорчалъ. Мы спокойно приняли вѣсть, довольные тѣмъ что уравниены въ оцѣнкѣ и не разлучимся еще цѣлый годъ. Довольнѣе всѣхъ былъ я, такъ какъ на мою долю пришлось больше противъ товарищей: за лучшее сочиненіе на заданный предметъ изъ физики (о дѣйствіяхъ теплорода на тѣла) меня наградили золотою медалью, которая и была вручена мнѣ на университетскомъ актѣ 1825 года, іюля 3го дня.

На четвертый годъ университетскаго курса, кромѣ слушанія лекцій, были у меня и другія занятія. Мнѣ хотѣлось

* Школьниками назывались классики, стоявшіе за французско-классическое заправленіе поэзіи, въ противоположность романтикамъ, какъ сторонникамъ новой, Пушкинской поэзіи.

выучиться французскому языку, такъ какъ гимназія въ этомъ отношеніи не принесла мнѣ никакой пользы, а пансіонъ хотя и принесъ нѣкоторую, но очень скудную. Я не хлопоталъ о языкѣ разговорномъ, потому что для этого нужна практика; я желалъ только пріобрѣсти умѣнье свободно читать французскія книги. Для достиженія такой цѣли, задумалъ я перевести одну изъ нихъ, именно: *L'art de promener ses créanciers, par un homme comme il faut*. Выборъ мой палъ на это сочиненіе потому что о немъ упоминалъ *Московский Телеграфъ* въ извѣстіяхъ объ иностранной литературѣ. Тяжело мнѣ было на первыхъ порахъ, съ плохимъ знаніемъ грамматики и малымъ запасомъ словъ, ладить съ подлинникомъ; однакожь съ помощію лексикона и совѣтовъ И. О. Шиховскаго, бывшаго моего наставника, оканчивавшаго курсъ на медицинскомъ факультетѣ, дурно ли, хорошо ли, одолевъ трудности. Не только одолевъ, но даже рѣшился напечатать переводъ, который и явился въ 1826 году, подъ заглавіемъ: „Искусство не платить договъ, или дополненіе къ Искусству занимать *“, сочиненное человѣкомъ порядочнымъ“. Рукопись слѣдовало представить въ цензурный комитетъ, который собирался въ правленіи университета. Отъ него зависѣло поручить разсмотрѣніе ея кому-либо изъ профессоровъ, такъ какъ они тогда исправляли обязанности цензоровъ. Съ трепетомъ вошелъ я въ Правленіе и вручилъ тетрадку ректору. Взглянувъ на заглавіе (*Искусство не платить долги*), онъ сказалъ мнѣ: „какъ же это вы не знаете правила, что послѣ дѣйствительнаго глагола съ отрицаніемъ ставится родительный падежъ, а не винительный? долговъ, а не долги. Да и стыдно студенту тратить время на переводъ такихъ лустяковъ“. Къ счастью одинъ изъ членовъ замолвилъ за меня доброе слово, сказавъ что я и своимъ, то-есть студенческимъ, дѣломъ нахожу время *заниматься хорошо*.

* *L'art de faire des dettes, par un homme comme il faut*. Сочиненіе того же французскаго автора, но вышедшее въ свѣтъ прежде *L'art de promener ses créanciers*. Оба сочиненія не что иное какъ остроумная шутка. Авторъ приводитъ изъ французскаго законодательства статьи, которыми должники могутъ пользоваться для своихъ выгодъ, и кромѣ того даетъ имъ совѣты, какъ не только избѣгать преслѣдованія заимодавцевъ, но и внушать послѣднимъ уваженіе къ себѣ, становиться для нихъ необходимыми. Совѣты подкрѣпляются примѣрами изъ исторіи и обыкновенной жизни.

Проколовичъ-Антоновскій смягчился, и вотъ, при напечатаніи книги, въѣсто долги поставлено въ заглавіи долговъ. Типографщикъ, въ ожиданіи уплаты долга, отпустилъ мнѣ изъ лопатного завода (1.200 экз.) двѣсти экземпляровъ, которые я отдалъ на комиссію извѣстному тогда книгопродавцу Ширяеву. Черезъ недѣлю послѣ того прихожу навѣдаться о судьбѣ ихъ, и овъ—о радость!—вручаетъ мнѣ 125 р. (ассигнаціями). Замазливый титулъ книги быстро привлекаетъ покупателей: одни изъ любопытства хотѣли познакомиться съ ея содержаніемъ, но, вѣроятно, напугались и такіе которые серьезно надѣялись спастись ею какъ згадой отъ своихъ кредиторовъ. И моимъ надеждамъ на еженедѣльную выручку ста рублей суждено было разсѣяться: чѣмъ дальше шло время, тѣмъ меньше расходилось экземпляровъ, такъ что я, желая расплатиться съ типографскимъ долгомъ, продалъ все ихъ количество Ширяеву за безцѣнокъ. „Искусство не платить долговъ“ не пошло мнѣ въ прокъ, даже съ первымъ моимъ заемодавцемъ—съ типографщикомъ Семеномъ. Другой переводъ былъ сдѣланъ мною по заказу книгопродавца; самъ я не имѣлъ средствъ для изданія. Это *Правила билліардной игры* (1826). Существеннымъ вознагражденіемъ за трудъ надобно считать не плату съ листа, такъ какъ книжка очень небольшая по объему, а побѣду надъ французскимъ языкомъ, который съ тѣхъ поръ уже не затруднялъ меня болѣе.

На ряду съ лосторожною работою въ университетѣ, я не выпускалъ изъ виду занятій прямо относящихся къ лекціямъ. Выбравъ, на четвертый годъ, главнымъ для себя предметомъ зоологію, которую читалъ Фишеръ, я представилъ ему сочиненіе: *О различіи челоуѣческаго рода*. Оно составлено по Вирею, французскому натуралогу, и напечатано Двигубскимъ въ *Новомъ Магази́нѣ Натуральной Исторіи, Физики и Химіи* въ 1826 году. Въ томъ же журналѣ и за тотъ же годъ помѣщена переведенная мною съ французскаго статья: „Объ ископаемыхъ слоноуыхъ костяхъ“. Такихъ студентовъ, которые, еще до окончанія полнаго курса, заявили бы охоту сотрудничать въ журналахъ, издаваемыхъ отъ университета, едва ли было много. Вотъ почему меня отличали и Фишеръ и Двигубскій. Послѣдній даже предлагалъ мнѣ переехать къ нему на ваканцію, когда его семейство уѣзжало въ деревню. Я съ охотою принялъ предложеніе и прожилъ у него четыре мѣсяца, въ зданіи Староу Университета, гдѣ

онъ, какъ секретарь совѣта, имѣлъ казенную квартиру. Здѣсь-то я насмотрѣлся его рѣдкаго трудолюбія: онъ никогда не оставался безъ работы, а всегда что-нибудь читалъ или писалъ. Студенты, впрочемъ, не жаловали его за неприглядное съ лица обращеніе и очень мѣтко прозвали его „дрославскимъ гербомъ“: онъ дѣйствительно походилъ на медвѣдя своею фигурой.

Конецъ послѣдняго года (1826) моего ученія въ университетѣ ознаменовался замѣчательнымъ для всѣхъ студентовъ фактомъ—избраніемъ И. И. Давыдова, профессора латинской словесности, на кафедру философіи, которая оставалась вакантною цѣлыхъ пять лѣтъ, по смерти Брянцева. Читанія свои открылъ онъ 12го мая 1826 года, вступительною лекціей „о возможности философіи какъ науки“. * Въ залѣ университетскаго совѣта за круглымъ столомъ размѣстились профессора; остальное пространство ея заняли студенты, нетерпѣливо желавшіе послушать своего любимца о предметѣ ихъ интересовавшемъ, о философіи. Было не мало и постороннихъ посѣтителей, привлеченныхъ именемъ профессора, а можетъ-быть и другими побужденіями; въ числѣ ихъ находился графъ С. Г. Строгоновъ, тогда еще полковникъ гвардіи. Все приняло видъ какого-то торжества, но всего торжественнѣе была самая лекція. Профессоръ настроилъ ее на искусственный риторическій лаосъ, который смѣшивали тогда съ истиннымъ краснорѣчіемъ и вмѣняли въ непремѣнную обязанность литератору, какъ наилучшее украшеніе его слога. Не сила мысли облекалась въ ответственное ей выраженіе, которое потому и возвышалось въ своей цѣнности, рѣдко принимая поэтическую окраску; а подборомъ словъ и строемъ рѣчи силились возвысить мысль, не представлявшую иногда никакого величія, даже лишнюю лаодовитаго значенія. Простые предметы и понятія получали, подъ перомъ оратора, казистый видъ, становились на дыбы безъ малѣйшаго къ тому повода. Почти совѣстнаго называть Университетъ—университетомъ: именovali его „святими-

* Составлена по Шеллингу (Ueber die Möglichkeit einer Form der Philosophie) и другимъ источникамъ, какъ сказано самимъ профессоромъ: „соберемъ воедино разсѣянное во многихъ твореніяхъ высочайшихъ мыслителей“. Посвящена студентамъ Московскаго Университета, напечатана въ 1826 году.

щемъ наукъ“, или „мудрости“, „храмомъ музъ“ и т. п. Въ господствовавшей тогда модѣ нельзя, конечно, обвинять отдѣльныя личности; однакожь люди истинно-даровитые и болѣе самостоятельныя умѣли же освободиться отъ риторики и сообщить своему слову своеобразный складъ, въ которомъ достоинство научныхъ взглядовъ и строго-логическое развитіе мысли сохранены наряду съ подъемомъ воображенія и зависѣвшимъ отъ того одушевленно-поэтическимъ тономъ. Примѣромъ служить Павловъ.

И. И. Давыдовъ началъ предисловіе къ лекціи á la Ломоносовъ и надобно отдать ему справедливость, очень искусно подражалъ строю похвальныхъ рѣчей отца руссійской словесности:

„Восходя на сію кафедру, съ которой достопочтеннѣйшіе члены знаменитаго нашего святилища наукъ и незабвенные мои наставники, съ честью занимаясь преподаваніемъ философіи, разливали свѣтъ мудрости, сколько радуюсь, становясь преемникомъ славныхъ ученостью мужей и долговременнымъ опытомъ искушенныхъ, столько же робѣю, когда помышляю и о важности предмета, и о предстоящихъ трудностяхъ въ изложеніи, и о силахъ для сего потребныхъ, особенно для удовлетворенія ожиданій, въ продолженіи пяти лѣтъ, по прекращеніи чтеній философскихъ возраставшихъ. Но подкрѣпленный покровительствомъ вашего превосходительства, нашъ благодѣтельный начальникъ, объ открытіи сихъ чтеній ходатай *; ободряемый вами, милостивые государи, меня въ сіе званіе избравшими, и видя предъ собою тѣхъ юныхъ друзей, съ которыми уже подвизался я на поприщѣ ученія и коихъ блистательныя успѣхи и одобрительный отзывъ служили мнѣ сладостѣйшимъ, вышшимъ въ нашемъ дѣлѣ вознагражденіемъ—удостоверяюсь, что и въ предстоящихъ занятіяхъ буду имѣть счастье заслужить довѣренность и по возможности общей пользы содѣйствовать.“

За тѣмъ, обратясь къ образу Спасителя, профессоръ произнесъ что-то по-гречески, чего никто изъ насъ, студентовъ, не понималъ. Смыслъ этого молитвеннаго обращенія узнали мы, когда лекція была напечатана и греческій текстъ явился въ переводѣ на русскій языкъ: „Премудрости Наставниче, смысла Подателю; немудрыхъ Наказателю и нищихъ Защитителю! утверди, вразуми сердце мое, Владыко; Ты даждь ми слово, Отчее Слово!“ Сцена вышла очень эффектная. Профессоръ еще болѣе выигралъ въ нашемъ мнѣніи, выросъ, такъ-сказать, на глазахъ у насъ.

* Полечитель университета, А. А. Писаревъ.

Лекція раздѣлена на три части, представляющія развитіе одного полнаго силлогизма: всякое знаніе (наука) имѣетъ содержаніе и форму; философія имѣетъ содержаніе и форму: следовательно философія есть наука.

Что же служить предметомъ этой науки? какъ опредѣлить ее? „Философія, въ смыслѣ науки принимаемая есть психологія, ведущая къ открытію единства въ знаніи и бытіи.“

Но такое опредѣленіе не есть ни Вольфово, ни Кантово, ни Фихтово, ни Шеллингово.... Давыдовъ предвидѣлъ это возраженіе и отвѣтилъ на него такимъ образомъ: „Кто стремится къ совершенствованію, тотъ, при должной благодарности къ великимъ умамъ, предшествовавшимъ на поприщѣ ученія, по словамъ Гердера,

Выйдя на берегъ, ученія школъ, какъ Левкоуевъ связку,
Въ море бросаетъ.

Самая интересная для слушателей часть лекціи отнесена была къ концу. Она содержала въ себѣ критику анти-философскаго направленія въ наукѣ и потому легко представить себѣ сенсацию ею произведенную. Дѣйствительно, большинство профессоровъ, заставлявшихъ на чтеніи, и не знало философіи, и не питало любви къ ней, особенно къ трансцендентальному идеализму Шеллинга. Они были эмпирики, и по образу мыслей смотрѣли на Павлова и Давыдова какъ на недруговъ. Каково же имъ было лублично, въ присутствіи студентовъ или „юныхъ друзей“ своихъ, по выраженію лекціи, выслушивать осужденіе эмпиризма, принимать совѣты своего, сравнительно младшаго сочлена, ими же избраннаго на кафедру философіи! Кто ему далъ право учить специалистовъ? Развѣ онъ обладаетъ универсальнымъ знаніемъ, одинъ своею особою представляетъ цѣлый университетъ?

Такія или подобныя мысли, вѣроятно, зарождались въ умѣ профессоровъ юридическаго факультета, когда Давыдовъ заговорилъ о предметахъ ими преподаваемыхъ.

„Отъ недостатка философскихъ началъ видимъ несогласіе въ книгахъ по одному и тому же предмету, нравственно-политическому. Монтескье въ *Духъ Законовъ* даетъ рѣшительные приговоры для различныхъ управленій; Руссо, говоря о договорѣ общественномъ, дѣлаетъ заговоръ противъ общества; Макіавель преподаетъ правила властителямъ. И между тѣмъ первый не открылъ идеи закона; второй не помыслилъ различить существа разумныя отъ бессловесныхъ:

третій не думалъ о нравственномъ достоинствѣ челоѣка—и это ли значить философствовать?“

Отъ юристовъ Давыдовъ перешелъ къ физико-математикамъ. Началъ онъ съ математики, преподавателя которой—Перевощиковъ, Щелкина, Чумаковъ—были налицо: послѣдній даже рассматривалъ лекцію и одобрилъ ее къ печатанію:

„Въ чистой математикѣ величайшіе умы, каковы: Лейбницъ, Невтонъ, Лагранжъ, Лапласъ, Эйлеръ и другіе, составляютъ о значеніи количествъ безконечно-малыхъ. Сепъ споръ останется также безконечнымъ, если не обратятъ вниманія на начала законовъ математическихъ, въ умѣ нашемъ заключенныхъ, и не отдѣлять понятій отъ идей, конечнаго отъ безконечнаго.“

Затѣмъ выведена на сцену физика; привлекался къ отвѣту Давиубскій:

„Въ физикѣ различныя теоріи свѣта, звука и другихъ предметовъ служатъ доказательствомъ что въ нихъ недостаетъ началъ философскихъ.“

Далѣе, наступила очередь естественной исторіи: глаза всѣхъ устремились на Фишера:

„Естествоиспытатели, составивъ произвольныя системы для трехъ царствъ природы, думаютъ что объясненіе ея конечно, вмѣсто того чтобы постепенно преслѣдовать произведенія ея отъ ~~неорудной~~ ^{неорудной} стороны до духовной.“

Крѣпче всего досталось медицинскому факультету:

„Часто цѣмѣяемыя системы врачей показываютъ что они должны обратиться къ помощи философіи, безъ которой погребли многія тысячи преждевременно: або многіе сѣнототствующие врачи, изучая условныя названія ~~тѣст~~ ^{тѣст} и другія частіи организма, ищутъ средства и дообія практиковъ-эмпириковъ, полагаютъ что ихъ наука окончена, тогда какъ должно бы помыслить о внутренней сторонѣ организма, которая въ маломъ видѣ представляетъ вселенную.“

Не пощадилъ ораторъ и своего собственнаго словеснаго факультета:

„Словесность и искусства откуда могутъ заимствовать образцы для произведеній своихъ, если философія не введетъ ихъ въ храмъ истины, доброты и изящества, гдѣ идеалы отъ вѣчности пребываютъ? Лагарль, Жирарль, Гоме * разсуждаютъ о вкусѣ, высокому, прекрасному и ничему изъ многорѣчивыхъ разсужденій своихъ не выводятъ; Батте,

* Южъ.

Дюмарсе пишутъ объ общихъ законахъ языковъ; цѣлыя толпы послѣдователей тѣхъ и другихъ спорятъ о казусахъ и романтикахъ: но подумали ли они разсмотрѣть всѣ силы духа самопознающаго? Дали ли себѣ отчетъ въ идеѣ изящнаго? Выкнули ли въ глубокое значеніе слова? И это значить философствовать.“

Эта тирада задѣвала Мерзлякова, а слѣдующую долженъ былъ принять на свой счетъ Каченовскій:

„Историки и антикваріи съ жадностью переносятъ извѣстія изъ одной книги въ другую; статистики переплетаютъ газетные листы въ учебныя книги: но многіе ли помышляютъ что исторія народа принадлежитъ къ исторіи человечества какъ часть къ цѣлому, что недоумѣнія частныя разрѣшаются обзорѣніемъ общаго, что для статистики выводятся начала изъ наукъ политическихъ?“

Короче: ни одинъ изъ присутствующихъ профессоровъ не остался безъ укора, всѣмъ сестрамъ досталось по серьгамъ, всѣ были оглашены эмпириками, такъ что могли принять на свой счетъ греческій эпитафій къ лекціи, смыслъ котораго выражается стихомъ Горация: „procul, procul este profani,“ или церковно-славянскимъ возгласомъ: „оглашенніи изыдите!“ И они вышли изъ залы совѣта съ неудовольствіемъ, а нѣкоторые въ негодованіи и даже въ раздраженіи. Но за то мы „юные друзья“ Давыдова сдѣлались еще болѣе крѣпкими ему друзьями, не замѣчая въ обаяніи ораторскимъ чтеніемъ того что было замѣчено и раскушено нами позже, а именно что красная рѣчь оратора исполнена фразеологіи и пропитана аффектаціей, которая никуда негодится въ профессурѣ. Въ самомъ дѣлѣ, развѣ искренностью и естественностью, а не аффектированнымъ лаосомъ звучать тѣ строки которыя слѣдуютъ за вышеприведенными выпусками.

„Гдѣ жъ, спросятъ, научиться преодолѣнію таковыхъ трудностей? Не смѣя утруждать вниманія достопочтеннѣйшихъ почитателей подробнымъ разсмотрѣніемъ цѣлыхъ громадъ книгъ по части философіи, покоящихся вмѣстѣ съ развалинами всего бреннаго и земнаго, думаю что довольно познакомиться со Стеффенсомъ, Эшермайеромъ, Клейномъ, Герресомъ, Таннеромъ, чтобы научиться дорожить иногда одною страницей болѣе нежели огромными книгами и возбудить дѣятельность духа познающаго. Хоамъ, отколѣ выходятъ со всѣмъ нужнымъ запасомъ для созерцанія природы и человѣка, имѣетъ надпись: познай себя!“

Но такъ или иначе, а Давыдова засыпали поздравленіями: онъ торжествовалъ, но, увы! торжество было кратковременное, напоминавшее судьбу калифа на часъ. Философскія чтенія его начались и кончились вступительною лекціей: Министество Шишкова не допустило преподаванія „науки наукъ“. Столь неожиданная развязка искренно опечалила насъ какъ потому что Давыдовъ не будетъ читать философію, такъ и потому что вообще кафедры философіи не будутъ въ университетѣ.

СТО - ОДИНЪ.